

Москва была оккупирована интервентами (сентябрь 1610 г.—октябрь 1612 г.). Столица представлялась современникам интервенции «кореньем» древа-государства. Москвичи в своем воззвании писали: «Помяните одно: только коренью основание крепко, то и древо не подвижно; только корени не будет, к чему прилепитца?».²² Вот почему так патетически изображают судьбу разоренной интервентами Москвы все авторы с конца 1610 г. Оскорбленное чувство патриотов диктовало проникнутые глубоким лиризмом описания унижения московского населения, насилий над ним, разорения московских «святынь». Тема родины воплотилась в этих описаниях так, что они ощущаются как прямые предшественники гражданской лирики.

Представление о стольном городе как символе всей страны, которую он возглавляет, в литературе XVI в. было перенесено и на Казань — центр присоединенного Иваном IV Казанского царства. Автор «Казанской истории» заключил рассказ о взятии Казани особой главой, выделенной заглавием «Похвала граду Казани». Эта «Похвала» распространяется автором на все Казанское царство, покоренное и «просвещенное» под властью Ивана IV христианской верой. Похвала выражает торжество победы над врагом и радость превращения Казанского царства в мирную страну, где «доброгласныя трубы вопияху, рекше звонения церковная уши оглашающе, не страх и боязнь подающе, но веселие и умиление верным людям в сердца влагая». Вставленная в историческое повествование, эта похвала представляет настоящую оду, ничем, кроме прозаической формы, не отличающуюся от тех од, какими прославлялись в XVIII в. завоевания городов. Ритмичность построения подчеркивает торжественность этого «словословия».²³

4

С конца XI в. среди авторских лирических монологов, разрезающих летописное повествование и выражающих оценку изображаемых лиц и событий, встречаются такие, в которых звучит проникнутое гневом осуждение летописцем своих современников. Эти обличительные эпизоды исторического повествования, в самой форме выражения гражданских настроений нередко обнаруживая связь с библейской стилистикой, сближаются с произведениями ораторского искусства, включающими в свое изложение исторические темы.

В лирике Псалтыри и в речах библейских пророков внимание древнерусских писателей, а позднее поэтов-классицистов XVIII в. привлекали воззвания к угнетателям о милосердии, обличения их жестокости, обещания счастливой жизни в царстве мессии, скорбь о бедствиях родины. Художественная выразительность этих социальных элементов Библии сделала их действительными образцами для писателей, начиная с XI в., когда аналогичные социальные темы подсказывала им русская историческая действительность.

Рядом со «Словом о законе и благодати» Илариона и «Словом о погуби Русьскыя земли», где тема родины и деятельности русских князей разрабатывается то в тоне патриотической гордости, торжества, то с оттенком скорби гражданина, сравнивающего блестящее прошлое с печальным настоящим, уже с конца XI в. в летописных лирических отступлениях

²² Это воззвание москвичей издано в книге: Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.—Л., 1960, стр. 229.

²³ Казанская история, стр. 163—164.